

ЮРИЙ ДАВЫДОВ

ПОНЯТИЕ «ЖЕСТКОЙ» И «МЯГКОЙ» СИЛЫ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Категория силы — одна из древнейших. Она заявила о себе, наверное, тогда, когда в мире еще не было государств, а человечество делилось на расы, племена и родовые общности. С появлением государств это понятие было легитимизировано. В языке некоторых народов до сих пор слова «сила» и «государство (власть)» означают практически одно и то же — в английском, например. В теории международных отношений «сила» является точкой отсчета большинства концепций политического мышления.

У Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны» она выступает в качестве основной категории, предопределяющей поведение государств во внешнем мире¹. Две с половиной тысячи лет спустя Г. Моргентау, исследуя истоки политики в отношениях между государствами, писал о «национальном интересе, понимаемом в терминах силы». Между тем, хотя суть понятия силы на протяжении веков оставалась почти неизменной, применение самой силы на практике несло на себе отпечаток времени. Изменения происходили в соответствии с переменами в развитии человека, общества, государства, технологии и, конечно, самой международной среды. Причем долгое время в системе международных отношений закон силы всегда

был выше силы закона. Но это было не единственной спецификой данного понятия во внешней среде.

1

В самом деле, внутренняя политика государства осуществляется в условиях наличия центральной власти, ее вертикали, иерархических структур, существования законов и норм поведения, обязательных для исполнения всеми гражданами и организациями. Эти нормы носят публично-правовой характер. Они — следствие необходимости подчинять частную стихийную волю личностей и групп интересам всего общества. Власть (закон) регулирует взаимоотношения личности, общества, государства на различных уровнях, и это — по крайней мере в идеале — принимается всеми как должное, как форма общественного договора между управляемыми и управляющими.

В отличие от внутренней международной политика реализуется в среде, где нет высшего органа управления, который выносил бы свои приговоры о правомерности действий субъектов международных отношений, прежде всего государств. В этой среде нет, следовательно, и гаранта их мирного сосуществования, гаранта их «нравственного по-

ведения». Государство обладает монополией на политическую власть только в пределах собственных национальных границ. Вне их оно — лишь одно из многих формально равноправных, политически независимых субъектов. То есть **во внешней среде фактически нет постоянного учреждения**, стоящего над государствами и **наделенного властными полномочиями** создавать законы (нормы) их поведения и разрешать их споры.

Каждое государство в идеале суверенно, оно обладает высшей властью над своей территорией и своим населением и никакой другой — более высокой — власти над собой не признает. Судьей своих действий и требований остаются сами государства, и в отношениях между ними отсутствует основа публичного правового состояния, аналогичного внутригосударственному. «Государство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, — писал немецкий философ XVIII века Иммануил Кант, — не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно отстаивает по отношению к ним свои права»². По этой же причине, утверждал английский философ XVII века Томас Гоббс, и мораль (в общепринятом смысле) не работает в отношениях государств, ибо нравственные нормы также предполагают наличие непререкаемого авторитета.

Именно это имеется в виду, когда говорят об анархичной среде в международных отношениях, об их стихийности — отсутствию в этой среде верховной власти, конечного арбитра, который бы судил, выносил приговоры, приводил их в исполнение, регулировал международные отношения в высших интересах мирового сообщества.

Между тем эта анархия может создавать во внешней среде противоборство интересов, конкурирующих суверенитетов, своего рода «состояние войны всех против всех», ибо когда не срабатывают другие средства, сила, как правило, становится доводом — конечным и легитим-

ным методом решения споров между различными странами. Гуго Гроций (Гуго де Гроот), голландский юрист и один из первых кодификаторов международного права, почти четыреста лет назад утверждал, что «если между народами или государствами возникают разногласия, то почти всегда судьей оказывается Марс»³.

Но и более близкие нашему времени исследователи приходили к тому же выводу. Дж.А. Смит, американский эксперт по международному праву 20-30-х годов прошлого века, писал по этому поводу: «В отсутствие какого-то общего и непредвзятого органа управления, который мог бы интерпретировать международные правила поведения и оценивать состояние международных отношений, каждое государство вполне естественно стремится не только расширить свой силовой потенциал во внешнем мире, но и предупредить, если это ему по плечу, любое возможное расширение влияния соперничающего с ним государства. Инстинкт самосохранения в мире, состоящем из абсолютно независимых государств, вынуждает каждое из них стремиться обладать силой, дабы гарантировать себя от опасности подвергнуться агрессии со стороны»⁴. Ситуация мало в чем изменилась и в наше время. «Враждебность в отношениях между государствами, — пишет З. Бжезинский, — присуща международной системе, функционирующей без глобального согласия»⁵. По мнению же К. Уолтца, факт наличия множества суверенитетов, не подчиняющихся единой системе законов и правил поведения и определяющих свои устремления произвольно, проливает свет на причины постоянных международных столкновений⁶.

На протяжении человеческой истории сила государства отождествлялась, главным образом, с его военной мощью. Это логично: если система международных отношений настроена на высокую вероятность конфронтации, то понятие силы естественно идентифицируется с понятием военной силы. Эксперт по вопро-

сам стратегии, профессор Принстонского университета У. Кауфман, касаясь истории этого вопроса, писал: «Военная мощь всегда служила основным показателем силы и престижа государства. Можно даже утверждать, что она была абсолютно необходима для проведения на мировой арене различных политических курсов. Трудно представить себе, как бы вообще развивалась международная политика без влияния военной мощи»⁷. И если понятие военной силы дифференцировалось, то лишь в том плане, что включало два основных компонента — реальные вооруженные силы и военный потенциал страны (группы государств). Однако приоритет ее на протяжении веков не подвергался сомнению. «Разумеется, нации могут оказывать друг на друга морально-политическое, экономическое и прочее воздействие, — подчеркивал другой американский эксперт Дж. Кларк. — Но поскольку верховным арбитром международных споров является война, то военный фактор приобретает высшую степень значимости во внешнеполитических калькуляциях»⁸.

И в наши дни немало политиков и экспертов (российских и западных) исходят из того, что военная сила (и прежде всего ее ракетно-ядерный компонент) является главным инструментом, влияющим на окружающее пространство. Американские эксперты и политики этого не скрывали (доктрины «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «ограниченной ядерной войны» и пр. были инициированы политическим мышлением США). Но и советские лидеры после того, как СССР стал ядерной державой, избрали ядерную мощь в качестве основного источника своего международного влияния. Когда этот ресурс истощился (после самороспуска Советского Союза), пошло вниз и международное влияние Москвы. Отсюда и уверенность многих нынешних российских политиков в том, что реставрация величия России требует преж-

де всего восстановления ее военной мощи, поддержки ее ракетно-ядерного паритета с США.

Вместе с тем сводить понятие силы на международной арене к военной мощи государства вряд ли правомерно. Ядерное оружие в военном плане фактически неиспользуемо, не случайно оно больше никогда не применялось на полях сражений после Хиросимы и Нагасаки, превратившись таким образом в чисто политическое средство. Сокращается (несмотря на отдельные рецидивы) и эффект от использования на международной арене военной силы вообще для достижения политических целей. Это показали и Вьетнам, и Афганистан, и Чечня, и Косово. В Ираке в 2003 г. победила не антитеррористическая коалиция, возглавляемая США, а цифровые технологии. Если значение военной силы и сохраняется, то прежде всего как инструмент поддержания статус-кво: она все меньше используется для попыток изменить ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, среди либеральных демократий понятие силы давно не исчерпывается лишь ее военным аспектом. Как отмечают многие эксперты, основные перемены на международной арене сегодня связаны не с применением военной силы, а с чем-то иным, прежде всего с использованием невоенных инструментов.

Это не означает, что военная сила вообще не востребована ныне на международной арене. Это означает лишь то, что сведение силы к военной ее составляющей не соответствует действительности. Военная мощь — лишь один из возможных вариантов существования и использования силы как внутри страны, так и во внешнем мире.

Что вкладывает в понятие силы на международной арене современное политическое мышление? Г. Моргентау, для которого сила — своего рода архимедов рычаг мирорегулирования, решительно утверждает, что «сила есть власть над умами и действиями людей»⁹. Г. Киссинджер дает еще более краткое

ее определение, полагая, что во внешней среде «сила есть влияние»¹⁰. Роберт Клайн, американский гражданский стратег, автор методики «оценки мировых сил»¹¹, между тем утверждает, что «сила на международной арене может быть определена просто как способность правительства одной страны заставить руководство другой предпринять то, что это последнее никогда не сделало бы по своей воле, причем это может быть осуществлено за счет убеждения, принуждения или откровенного применения военной силы».

Близкое к этому определение можно найти у Р. Коheyна и Дж. Ная. По их мнению, «силу можно представить себе как способность субъекта заставить других предпринять что-либо, что они иначе предпринимать бы не стали (и при этом по приемлемой для действующего лица «цене»)»¹². Последнее предположение соответствует позиции английского философа Бертрана Рассела, согласно которой «сила может быть определена как способ получения желаемых результатов»¹³. Джон Стоссинджер в своей книге «Мощь наций» (первое издание которой было отмечено премией Банкрофта) так определяет силу: «Сила (мощь — *power*) в международных отношениях есть возможность государства использовать свои реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств»¹⁴. О ресурсной основе силы упоминает и Д. Пучала, профессор Нью-Йоркского университета. Он утверждает, что в международных отношениях «сила — это способность действовать, и подобная способность обусловлена количеством и качеством ресурсов, выделяемых для достижения определенных политических целей во внешнем мире, что в свою очередь определяется состоянием национальной экономики»¹⁵.

Но наиболее развернутое толкование понятию силы во внешнем мире дает известный американский военный теоретик, профессор Принстонского универ-

ситета Клаус Норр. Он пишет: «Сила во внешнем мире может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами. Но она может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают. В первом случае сила — это качество, которым обладают сильные государства и которое можно аккумулировать; здесь сила — это возможность. Во втором случае сила — это результат, это уже оказанное воздействие. Она проявляется во взаимодействии, в столкновении. При первом подходе сила — это нечто такое, что государство может надеяться использовать в разнообразных будущих ситуациях. Во втором случае она возникает и формируется только в условиях конкретной ситуации. Сегодня большинство теоретиков понимает под силой реализованное воздействие, в то время как неспециалисты сводят ее к тем возможностям, которые позволяют выступать с угрозами»¹⁶.

Другой американский теоретик Ф. Шуман, трактовавший понятие силы в сходном духе, особо выделяет идею взаимодействия. По его мнению, реальный смысл понятия силы выявляется лишь в системе международных отношений, при взаимодействии с другими государствами. Она «становится таковой только в сравнении с силой других стран», ощущение силы или бессилия произрастает из взаимодействия, соперничества, конфликта государств¹⁷.

У всех этих разноречивых определений есть одно общее, а именно: сила во внешнем мире — это прежде всего способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, это способность устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого, а именно: прямые, косвенные, опосредованные, с помощью насилия, убеждения, обещания выгод, лишения имеющихся преимуществ, создания условий, при которых остается лишь одна альтернатива, один

выход из положения. Но если это так, то не менее очевидно, что это воздействие может достигаться разными способами, а не только использованием военного потенциала, военного давления, угрозы или, в конечном счете, ведения войны.

2

На международной арене, в системе взаимодействия государств сегодня наиболее активно используется **экономическая** сила государства. «Великие державы, — отмечал американский профессор Д. Нехтерлейн, — сегодня склонны отдавать предпочтение наращиванию экономической мощи как главному средству внешнеполитического влияния, нежели использовать в этих же целях военную силу»¹⁸. Государства активно задействуют свою экономическую мощь, внешнюю торговлю, инвестиции за рубежом, экономическое присутствие в других странах для создания определенной, хотя обычно и неформальной привязки других государств к себе, воздействия в своих интересах на их внутреннюю и внешнюю политику. «Сейчас сила и международное влияние основаны в большей степени на развитии экономики и технологии, — утверждают американские футурологи Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс. — Внутреннее экономическое и техническое развитие в сочетании с международной торговлей и заграничными инвестициями представляется более эффективным средством достижения национальных целей, чем империализм и агрессия»¹⁹.

Нередко экономическая сила государства реализуется через прямое давление на того или иного субъекта международных отношений. Это давление может также оказываться через международные экономические организации — МВФ, Мировой банк и др. В одних случаях подобная сила используется в качестве кнута — экономическое эмбарго, санкции, использование антидемпинговых механизмов, квот на импорт, свертывание зарубежных инвестиций, произ-

водств и т.д. Но сила может играть роль пряника, обеспечивая создание благоприятного режима торговли, предоставление кредитов, прямые частные инвестиции в экономику того или иного государства, развертывание на его территории своих производств, трансферт в данную страну передовых технологий, современных методов управления, маркетинга и т.д.

Экономическое присутствие одного государства на территории другого имеет неоднозначные последствия, если его рассматривать с точки зрения силового влияния. С одной стороны, оно, как правило, благоприятно для того государства, на территории которого возникают иностранные производства товаров и услуг. Они создают дополнительные рабочие места, новые технологии, удовлетворяют спрос на определенные товары. Они усиливают конкуренцию в данной стране, способствуя становлению эффективной экономики. Страны, находящиеся в нормальных отношениях друг с другом, обычно заинтересованы во взаимном экономическом присутствии. Вместе с тем возникают и возможности нажима на государство, открывающее границы для иностранного экономического присутствия. Государство-донор может выдвигать определенные требования, угрожая свернуть производство, сократить рабочую силу, отчисления от прибыли.

Дифференцируя понятие экономической силы, можно говорить о **финансовой** силе (Великобритания, например, обладает главным образом финансовой силой, точно так же как и Швейцария). В условиях глобализации финансовая сфера определяет уровень развития промышленности, аграрного сектора, инфраструктуры, сферы услуг. В свою очередь, можно говорить и о **коммерческой** силе (например, Японии и ЕС) и в то же время о торговой уязвимости страны. Внешняя торговля считается традиционным индикатором экономической силы. Европейский союз является круп-

нейшими мировым торговым блоком, его политика в области внешней торговли решающим образом влияет на состояние и нормативный режим международного обмена товарами и услугами и тем самым на нормативный режим международных отношений. Страны, не обладающие значительной военной мощью, заинтересованы в том, чтобы не военная, а коммерческая сила стала в современном мире основным источником международного влияния. Этот фактор, в частности, отразился на подходе Берлина к военной операции Вашингтона против Саддама Хусейна. Далее, если Германия или Австрия четверть потребляемого ими газа получают из России, то оба государства заинтересованы в стабильности таких поставок, что не может не влиять на стремление этих стран поставить отношения с Россией на устойчивую и дружественную основу. То же самое справедливо и для России, которая имеет постоянную прибыль от этих поставок, исчисляемую миллиардами долларов.

В современных условиях показателем силы является не только объем торговли, но и ее структура. Можно иметь значительный объем торговли, но вывозить на мировые рынки природные ресурсы — лес, нефть, газ, а ввозить машины, оборудование, товары высокой технологии. Такова структура нынешней российской внешней торговли. По данным Государственного таможенного комитета РФ, топливно-энергетические товары составляют около 60% российского экспорта. В настоящий момент они, учитывая конъюнктуру рынка, приносят России значительные прибыли. Однако цена за это — истощение природных богатств страны, ухудшение ее экологии. Подобная практика, ориентированная лишь на текущие потребности, вряд ли является источником силы государства на перспективу.

Определенно можно говорить и об использовании **научно-технической силы** государства на международной арене. Именно наука, образование, здравоохра-

нение формируют основу, которая создает экономику, базирующуюся на знаниях, экономику, определяющую реальную мощь государства, его способность обеспечивать национальные интересы по всему их спектру. Американцы были первыми, кто осознал перспективность использования научно-технической силы в качестве инструмента внешней политики. Именно за счет мощного импульса в развитии фундаментальной науки в послевоенный период США смогли в 1970–1980-е годы ответить на экономический вызов Японии и Западной Европы и снова вырваться вперед в последующее десятилетие. Определенную роль сыграли при этом и огромные вложения государства в научно-исследовательские разработки по линии НАСА и Министерства обороны. Как отмечал профессор экономики Гарвардского университета Джеффри Сакс, «в Америке усилена правительственная поддержка науки, а расходы на ее финансирование возросли до 85 млрд. долларов в год (*это почти в 3,5 раза больше, чем годовой бюджет России в середине 90-х годов.* — Прим. авт.). Поддерживаемые правительством научно-исследовательские программы в области информационных технологий и биотехнологий помогли США завоевать всемирное лидерство в этих двух ключевых сферах»²⁰.

Приоритет высоких технологий носит долгосрочный характер. Современное производство, системы национальной безопасности, повседневная жизнь государства все более основываются на достижениях науки и техники, которые используются для повышения мощи данного государства. И та страна, которая на этом направлении вырывается вперед, обладает дополнительным влиянием на международной арене.

Начиная с 70-х годов в США активно внедрялась концепция «научного империализма» («технотронного века»), основанная на лидирующей роли Соединенных Штатов в сфере научно-технической революции, их научном отрыве от других

государств (в послевоенный период более половины нобелевских лауреатов были американцами). Сторонники этой концепции утверждали, что США постепенно будут избавляться от «грязного производства» — добывающей и химической промышленности, производства товаров массового потребления, отраслей переработки и хранения ядерных отходов. Все это будет передаваться другим странам, а США оставят себе «чистое производство» — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), переподготовку кадров, цифровые технологии, коммуникационные системы, разработку компьютерных продуктов, биотехнологии, а также разработку программ развития целых государств, их образовательных, медицинских систем. В результате остальной мир объективно будет во все большей степени зависеть от гигантского «мозга» — Соединенных Штатов.

Среди исследователей идут дискуссии относительно использования **информационной силы** на международной арене. Это вполне закономерно, ибо человечество вступило в век информации и информационных систем (в связке с коммуникационными), и многие эксперты полагают, что XXI век будет веком информатики. Информация сама по себе является крайне выгодным капиталом в самом широком понимании, ибо она часто служит основой принятия решений на любом уровне, более того — выработки политической линии. Следует отметить огромное значение информации и сетевых технологий для функционирования экономики, финансовой и банковской систем, военной сферы. Не меньшее значение имеют и каналы передачи информации, ибо тот, кто владеет ими, может регулировать (дозировать) поступление информации для других и использовать наиболее важную информацию в своих интересах. Контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости между государствами. На рубеже веков развернулась «четвертая

информационная революция», во многом характеризующаяся максимальным внедрением мультимедийных, цифровых технологий и услуг и соответственно появлением новых корпораций — мультимедийных гигантов и специализирующихся на электронной торговле фирм. Лидером «четвертой информационной революции» являются США²¹.

Еще в 1990-е годы в структуре американского бизнеса произошел сдвиг в пользу компаний, специализирующихся в информационной сфере. В результате по своей финансово-экономической мощи, отраженной в их капитализации, информационные компании стали занимать доминирующее положение по сравнению не только, например, с автомобильными компаниями, но и с гигантами авиакосмического бизнеса, бывшего в 1970–1980-е годы одной из главных опор наукоемкой промышленности США. Интернет, зародыш которого был создан под эгидой Министерства обороны США, стал фактором глобального порядка, но значительная часть из включенных в Интернет провайдерских сетей (равно как и используемых ими программ) возникли в США. 40% персональных компьютеров, работающих сегодня в мире, приходится на долю Соединенных Штатов. Соотношение числа компьютеров к числу занятых в США в 5 раз выше, чем в Европе и Японии²². Россия только намеревается к 2005 г. оснастить свои школы компьютерами, в США это было сделано четверть века назад.

Идеологическая сила предполагает использование как «белой», так и «черной» пропаганды для воздействия на другие государства, то есть применение как законных, так и незаконных средств. Она включает в себя возможность оказания интенсивного «психологического давления» (в годы «холодной войны» подменявшего действия вооруженных сил). В одном американском исследовании, посвященном этой проблеме, отмечается, что «психологические операции по своему значению все более приравнива-

ются к традиционным инструментам внешней политики — дипломатическим, экономическим, военным»²³. Идеологическая сила отражает привлекательность господствующих в обществе ценностей, этических и моральных норм, религиозных убеждений, национальных и особенно гуманитарных устремлений, уровень образования. Тоталитарные режимы наиболее интенсивно используют идеологическую силу (прежде всего целенаправленную пропаганду) в своей внутренней и внешней политике, создавая нужный облик режима, обычно далекий от реального.

Сегодня использование идеологической силы обусловлено способом доставки ее к потребителю. Наличие того же Интернета (а в еще большей степени спутникового телевидения) способно эффективно решать эту задачу. Стремительное проникновение американских массовой культуры, образа жизни, ценностей в Европу выявляет масштабы использования идеологической силы. Происходит то, что С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией»²⁴.

В условиях глобализации, когда основным мотором развития становятся наука и человеческий фактор, **образование** (профессиональный уровень нации) может рассматриваться как особый (перспективный) вид силы в системе международных отношений. И не случайно национальные правительства уделяют все большее внимание развитию образования. Соединенные Штаты расходуют на образование в 2,5 раза больше финансовых средств, нежели на военные нужды. Тогда как в России расходы на обеспечение безопасности составляют треть бюджета, а на образование выделяется менее трех процентов.

В американских университетах на сегодняшний день обучается примерно полмиллиона студентов из-за рубежа. Они получают образование, основанное на американских социальных и политических ценностях, они возвращаются домой сторонниками свободной торговли и

экономической либерализации. На родине многие из них займут влиятельные позиции в общественных, экономических и политических структурах, объективно становясь проводниками американского влияния. *Pax Americana* создается не только оружием, но и образованием.

Политическая сила в общем плане, утверждает Г. Моргентау, «это психологические отношения между теми, кто ею обладает, и теми, по отношению к кому она применяется. Это дает первым возможность контролировать действия последних с помощью того влияния, которое они оказывают на их умы. Это влияние проистекает из трех источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или склонность к людям и институтам. Политическая сила может реализовываться приказами, угрозой, убеждением, харизмой человека или института, либо сочетанием любых этих факторов... Международная политика, как и любая политика — это борьба за силу (влияние)»²⁵. Политическая сила государства обретает влияние путем использования политических (дипломатических) средств.

В системе международных отношений она создается главным образом тремя путями. Первый — прямое наращивание собственных политических (дипломатических) возможностей, в том числе путем привлечения на свою сторону других (дружественных, для этого надо сначала обеспечить их дружественность) государств, движений, образования коалиций, союзов, нейтрализации возможной опасности со стороны колеблющихся государств, поддерживая их нейтралитет, не давая им возможности перейти на сторону соперника, использования в своих интересах неожиданно возникающих (кризисных) ситуаций в системе международных отношений. Второй способ — ослабление политических (дипломатических) возможностей соперника, разъединяя и ослабляя его союзы и коалиции, втягивая его в заведомо проигрышные для него ситуации. Третий спо-

соб состоит в том, чтобы использовать в своих интересах соперничество между двумя государствами или группами по принципу «разделяй и властвуй».

Функционирует на международной арене и **социальная сила**, которая воздействует на окружающий мир прежде всего своим примером, своим поведением. После революции Советская Россия впервые в мире законодательно установила 8-часовой рабочий день (неважно, что он потом не соблюдался). Это стало ориентиром для наемных тружеников во всем мире. Их правительства вынуждены были ввести аналогичную продолжительность рабочего дня и у себя. Нет никакого сомнения в том, что соблюдение прав человека и гражданских свобод в демократических странах, высокий и стабильно возрастающий уровень их благосостояния оказались той силой, которая способствовала размытию «реального социализма» в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Развитие мира выявит новые виды силы на международной арене. Кто еще 10–15 лет назад мог говорить об огромном значении, например, информационной силы? Кто мог предполагать, что терроризм, бывший инструментом одиночек и маргинальных экстремистских группировок, будет принят на вооружение целыми государствами? Изначально ЦРУ США определяло терроризм как «угрозу применения или применение насилия в политических целях *отдельными лицами или группами лиц*, действующими за или против существующего в данной стране правительства, когда такие действия направлены на то, чтобы нанести удар или запугать более многочисленную группу, чем непосредственная жертва, в отношении которой применяются насилие»²⁶. Между тем терроризм вышел за национальные границы, сегодня он рассматривается в качестве специфического вида силы, оказывающей воздействие на поведение государств, на состояние международной среды и мирорегулирование. Это своего рода ответ

«третьего мира» на технологическое превосходство Запада.

По более позднему определению того же американского ведомства, к разряду международного можно отнести «терроризм, осуществляемый при поддержке со стороны иностранного правительства и организованный и/или направленный против иностранных граждан, организаций и правительств». По мнению ЦРУ, «террористическую деятельность проводят группы, ставящие задачу ниспровергнуть определенный государственный строй, исправить национальную или групповую несправедливость или подорвать международный порядок»²⁷.

Сила терроризма в известной мере проистекает из публичного характера совершаемых актов. Без широкой огласки, без открытого и громогласного предъявления своих требований или целей он просто не может существовать. Другой источник его силы — игнорирование всех и всяческих правил ведения войны, начиная от обозначения собственных бойцов с целью отличить их от не участвующих в борьбе людей и до использования гражданского населения в качестве щита (заложников). Главный фактор воздействия террористического акта — страх, порождаемый ощущением жертвы, что ее жизнь не имеет никакой ценности для экстремистов. Для террориста есть понятие *цель*, но нет понятия *средство*. Терроризм разрушителен, поэтому его влияние всегда со знаком минус, он ничего не создал — ни государства, ни общества, ни даже массовой партии. «Современный международный терроризм, — подчеркивает профессор Х. Мюнклер из университета Гумбольдта (Берлин), — можно определить как стратегию, которая при мобилизации незначительных собственных ресурсов позволяет террористам тягаться в насильственном конфликте с бесконечно превосходящими их по силе и возможностям державами»²⁸.

Воздействие различных видов силы неоднозначно во времени и пространстве. Вчера безоговорочно властвовала воен-

ная сила, сегодня наиболее действенными представляются экономические, финансовые, научно-технические виды силы, завтра этот набор может выглядеть по-иному, и на передний план могут выйти силы, отождествляемые с моралью, правом, образованием, благосостоянием населения и т.д. Хотя военная сила сохраняет значение, мне представляется, что основные изменения в современном мире, особенно на перспективу, связаны с использованием невоенных параметров силы.

Э

В литературе уже давно делают различие между «жесткой силой» (*«hard power»*) и «мягкой силой» (*«soft power»*). Под «мягкой силой» гарвардский профессор Дж. Най понимает «способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для “жесткой силы”». “Мягкая сила” действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения»²⁹. Хотя в такой ситуации, конечно, может быть определенная вынужденность поведения, обусловленная отсутствием иной альтернативы. «Мягкая сила» может основываться и на призыве к другому государству следовать разуму, логике, так обставляя решение спорной проблемы, чтобы оно было приемлемо для другой стороны, чтобы оно не выглядело как ее поражение. Собственно говоря, искусство дипломатии в нынешних условиях существования равноправных, но не равных государств в том и состоит, чтобы добиваться решения международных проблем прежде всего подобным ненасильственным образом (понуждая, а не принуждая), а уж потом — если подобный подход не сработал — использо-

вать силу как принуждение.

Из наличия разных видов силы следуют, по крайней мере, три вывода, имеющих принципиальное значения. Первый сводится к тому, что силой (влиянием) на международной арене могут обладать не только государства, имеющие обширную территорию, значительное население, мощную экономическую базу, но и страны среднего размера. Например, нейтральные Швеция и Швейцария обрели силу в результате неучастия в противоборствующих союзах и коалициях. Их нейтралитет устраивал противостоящие группировки стран, он был необходим им (хотя бы для того, чтобы поддерживать тайные контакты друг с другом, но и по другим соображениям). Из этой необходимости, востребованности их позиции и проистекает их политический вес (сила), позволяющий им воздействовать как на поведение отдельных стран, так и на состояние международной системы в целом.

Швеция во время войны в Индокитае не только критиковала США, но и была фактически мировым центром оппозиции этой войне, то есть в те годы она выполняла роль определенного центра силы, с которым не могла не считаться даже такая мощная страна, как Соединенные Штаты.

Второй вывод сводится к тому, что государство может обладать несколькими видами силы, отчего его воздействие на мир расширяется. В то же время страна, обладающая лишь каким-то одним видом силы, более уязвима в условиях непредвиденных изменений в международной системе. В самом деле, Советский Союз в 80-е годы воздействовал на окружающее его пространство прежде всего благодаря тому, что он был военной державой, готовой противоборствовать со всем миром. И если говорить о знаке влияния, то оно было скорее отрицательным — его боялись и потому уважали. Соединенные Штаты обладали военной силой, сопоставимой с советской, и в этом плане их влияние на мир также бы-

ло негативным, потому что и их тоже боялись. Но американцы обладали и другими видами силы, воздействие которых на мир было скорее конструктивным.

Третий вывод состоит в том, что сила по сути не имеет социальной окраски или идеологического содержания. Советский Союз считался угрозой для Запада главным образом не потому, что его идеология признавалась агрессивной, а потому, что он обладал огромной военной мощью. То же самое относится сегодня к Китаю. В то же время никто не считал угрозой коммунистическую Чехословакию, ибо, разделяя агрессивную идеологию Советского Союза, она не обладала его силой. Сторонники теории политического реализма утверждают, что «холодная война» после Второй мировой войны была неизбежна. Но неизбежной она была не столько потому, что СССР представлял чуждую, враждебную идеологию, сколько потому, что в мире появилась новая значительная сила, способная бросить вызов не только Соединенным Штатам, но и возможным коалициям с их участием.

* * *

Однако сила, даже военная, — не всемогуща. Аккумуляция силовых инструментов (возможностей) не всегда и не обязательно ведет к искомому результату. На протяжении последней четверти минувшего века две мощнейшие ядерные державы, способные уничтожить и друг друга, и все на Земле живущее, дважды терпели поражение от неядерных, мало-мощных в военном отношении государств (США во Вьетнаме, Советский Союз — в Афганистане). Они также испытали на себе в ряде случаев чувствительные удары малочисленных террористических формирований, представляющих неправительственные организации. Применение военной силы в Чечне, против Югославии С. Милошевича, против Ирака С. Хусейна, каким бы оправданным оно ни казалось, вызвало резко отрицательную реакцию либеральной ми-

ровой общественности и значительной части сообщества демократических государств. Процесс глобализации, размывая основную силовую структуру современного мира — государство, объективно подрывает основы насилия. Альтернативой международной системе, базирующейся на силе, является, как представляется, международная система, основанная на согласованных нормах, правилах, в конечном счете, законах международного поведения. Парадокс, однако, состоит в том, что для утверждения такой системы во внешнем мире, для нормального ее функционирования также нужна сила. Наверное, не в том объеме, скорее всего в мягком варианте, но она будет неизбежно востребована. Поэтому речь, видимо, может идти не об «изъятии» силы из международных отношений (это иллюзия, которой может прельститься второстепенная держава, но не Россия или США), а о приучении силы к законопослушному поведению по обеспечению мирового порядка.

Примечания

¹ Фукидид. История Пелопоннесской войны. В 7 томах. М., 1887. Т. 1. С. 52.

² Кант И. Критика практического разума. Основы метафизики нравственности. Соч. в 6 томах. М., 1965. Т. 4. С. 175.

³ Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 44.

⁴ Smith J.A. The Growth and Decadence of Constitutional Government. New York: Henry Holt and Company, 1930. P. 241.

⁵ Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. New York, 1970. P. 282.

⁶ Waltz K. Man, the State and War. New York: Columbia University Press, 1970. P. 159.

⁷ Kaufman Y. Power and International Relations // Military Policy and National Security / Y. Kaufman (ed.). New York: Princeton, 1956. P. 242.

⁸ U.S. Naval Institute Proceedings. 1969, March. P. 61.

- ⁹ *Morgenthau H.* Politics among Nations. 4th ed. New York, 1967. P. 97.
- ¹⁰ *Kissinger H.* American Foreign Policy. 3d ed. New York, 1977. P. 57.
- ¹¹ *Cline R.S.* World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Washington, 1975. P. 8.
- ¹² *Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston: Little Brown and Company, 1977. P. 11.
- ¹³ *Russel B.* Power. A New Social Analysis. London, 1965. P. 25.
- ¹⁴ *Stossinger J.G.* The Might of Nations. World Politics in Our Time. New York, 1969. P. 27.
- ¹⁵ *Puchala D.* The History of the Future of International Relations // Ethics and International Affairs. 1994. Vol. 8. No 3. P. 187.
- ¹⁶ *Knorr K.* The Power of Nations. New York, 1975. P. 9.
- ¹⁷ *Schuman F.* International Politics. New York, 1933. P. 506.
- ¹⁸ *Nuechterlein D.* United States National Interest in a Changing World. Lexington: Praeger Publishers, 1973. P. 176.
- ¹⁹ *Kahn H. and Bruce-Briggs W.* Things to Come. Thinking about the 70's and 80's. New York, 1972. P. 124.
- ²⁰ *Сакс Дж.* Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки // Независимая газета. 2000. 18 августа.
- ²¹ *Кокошин А.* Новый международный контекст // Независимая газета. 2000. 25 мая.
- ²² США * Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 9. С. 15.
- ²³ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committee 1965–1969. National Committee of the Republican Party. Washington, 1968. P. 398.
- ²⁴ *Huntington S.* The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. September – October 1997. P. 41.
- ²⁵ *Morgenthau H.* Op. cit. P. 27, 25.
- ²⁶ Patterns of International Terrorism 1980 // Central Intelligence Agency. 1981. June. P. 15.
- ²⁷ Ibid. P. 17.
- ²⁸ *Мюнклер Х.* Терроризм как стратегия коммуникаций // Internationale Politik (русское издание). 2001. № 12. С. 20.
- ²⁹ *Nye J. and Owen W.* America's Information Edge // Foreign Affairs. March / April. 1996. P. 21.